

ДЕТЕКТИВ-**Н**ОСТАЛЬГИЯ

Хланушка с прицелом

Полное
погружение
в атмосферу

эпохи

60-х

Евгений НОВИЦКИЙ

Евгений Игоревич Новицкий

Хлопушка с прицелом

Серия «Детектив-Ностальгия»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68620077
Хлопушка с прицелом: Эксмо; М; 2023
ISBN 978-5-04-178624-3

Аннотация

Ностальгия по временам, уже успевшим стать историей. Автор настолько реально описывает атмосферу эпохи и внутреннее состояние героев, что веришь ему сразу и безоговорочно.

Начало 1960-х годов. За кинорежиссером Германом Графовым прочно закрепилась репутация неудачника. Единственный снятый им фильм оказался провальным, новых работ на киностудии не предвидится. Герман считает, что стать известным ему не дают более успешные конкуренты. В отчаянье он вместе с любовницей решает устранить их. Каждый раз, изобретая новый способ, Графов одного за другим убивает знаменитых кинематографистов. Преступной парочке удастся ловко скрываться от милиции. Но однажды выясняется, что за их злодеяниями внимательно следит невидимый свидетель...

Уникальная возможность на время вернуться в недавнее прошлое и в ощущении полной реальности прожить вместе с героями самый отчаянный отрезок их жизни.

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	10
3	13
4	17
5	21
6	24
7	27
8	30
9	33
10	37
11	41
12	44
13	47
14	50
15	54
16	57
17	63
18	66
19	72
20	75
21	78
22	81

23

85

24

89

Конец ознакомительного фрагмента.

91

Евгений Новицкий

Хлопушка с прицелом

© Новицкий Е.И., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*** * ***

Часть первая

Герман

1

Кинорежиссер Герман Графов лежал в постели, курил и сердито переговаривался со своей любовницей Галиной.

– Нет, ну ты подумай, – жаловался Герман, – куда ни плюнь – всюду статьи об этом «Воскресении»! И причем все – хвалебные... Ну хоть бы один какой-нибудь писака вывалял это ничтожное «Воскресение» в грязи... Так ведь нет же – поют дифирамбы! «Удачное переложение классики»... «Герои Толстого предстают на экране как живые»... Ты представляешь: как живые! Как будто они хоть когда-нибудь были живыми, эти самые персонажи... А уж в фильмах Жнейцера живых людей попросту не бывает, о чем бы он ни снимал! У него одни только безликие манекены – всегда, везде...

– Ну перестань, перестань, – попыталась успокоить Германа Галина. – Мало ли что пишут... Это еще ни о чем не говорит. Думаешь, публике охота смотреть такую скучищу?

– Разумеется, неохота, – согласился Герман. – Это же худшее произведение Толстого! Абсолютно вымученное, ни-

чтожное, никчемное... Такая тягомотина, что просто на зубах вязнет... Подобную ерундистику только Жнейцеру и снимать...

– Вот видишь! – негромко воскликнула Галина.

Но Герман продолжал возмущаться:

– Если бы за успех у нас отвечал только зритель, я бы и внимания не обратил на это паскудное «Воскресение». Но ведь это не так! У нас же все шиворот-навыворот, сама знаешь... Кого партия одобрит, тот и в дамках...

– Ну уж, – усомнилась Галина. – Какое дело партии до экранизаций допотопных романов...

– Не скажи, не скажи, – покачал головой Герман. – Партия, видишь ли, печется о престиже нашей страны, особенно за рубежом. Как бы в наших газетах ни клеймили Запад, на деле партия только и ждет, как бы на этом самом Западе прогреметь... И не важно с чем: с балетом, с космосом... или вот с трупом Льва Толстого...

Галина хмыкнула:

– Хочешь сказать, они это «Воскресение» за рубеж отправят?

– Как пить дать, – скривился Герман. – И по фестивалям разошлют, и в прокат продадут. В европейский, а может, и в американский...

– Да ладно! – отмахнулась Галина. – Уж там это тем более никому не интересно.

– Ошибаешься, – сказал Герман. – В Европе, видишь ли,

немало снобов. И, в отличие от наших московских, снобы европейские не просто рассуждают о своей причастности к так называемой высокой культуре. Они эту самую культуру еще и потребляют. Давятся, насилуют себя – но все же потребляют. В частности, исправно ходят на премьеры определенных фильмов. Обычно тех, которые снимают Бергман, Феллини, ну и другие такие же заумные модернисты... Помнишь, мы в Доме кино смотрели «Дорогу» этого самого Феллини?

– Помню, – усмехнулась Галина. – Такая тоска...

– Вот именно, – подтвердил Герман. – Но тем не менее эта картина прославилась на весь мир. И славу ей сделали как раз эти кретины-снобы...

– Ну хорошо, – перебила Галина, – а наш Жнейцер-то здесь при чем? Неужели европейские снобы и его смотрят? Я удивлюсь, если они хотя бы знают о его существовании...

– Разумеется, не знают, – отвечал Герман. – Но зато знают о существовании Достоевского и Толстого. Они их даже, представь себе, читают! В отличие от нашей доморощенной интеллигенции, которая не читает ничего, кроме «Нового мира»...

– Наши еще самиздат читают, – вставила Галина.

– Да, случается, – не стал спорить Герман. – Но в самиздате Достоевского и Толстого не печатают. Они же у нас и так изданы – официально. Причем огромными тиражами. И потому тупой нашей интеллигенции Толстой и Достоевский неинтересны. Чуть менее тупой европейской интеллигенции

Лева с Федей тоже до лампочки, но тем не менее их там читают... Вообще, все, что европейцы знают о России, они почерпнули у этих двух писателей...

Любовники замолчали.

– Нет, ну почему же так? – произнесла вдруг Галина. – Ведь наши с тобой фильмы гораздо лучше, интереснее, талантливее того, что снимает Жнейцер и ему подобные...

– А ты бы объяснила это Комиссии по определению категорий, – горько усмехнулся Герман. – Они ведь неизменно присуждают мне вторую категорию! А жнейцерам – всегда первую, какую бы паршивую дрянь они ни выдавали...

– Все-таки почему же так происходит? – не успокаивалась Галина. – Должно ведь быть какое-то объяснение...

– Тут много всего, – поморщился Герман. – Прежде всего, жнейцеры – конъюнктурщики. Я-то снимаю только то, что лично мне нравится, а они, понимаешь, – то, что понравится начальству...

– Неужели начальству может понравиться такая чепуха, как «Воскресение»? – недоуменно сказала Галина.

– Опять ты за свое, – вздохнул Герман. – Говорю же: никому это не может понравиться. Но поскольку это Лев Толстой, начальство делает вид, что им нравится... Жнейцеры знают это, вот и экранизируют всех подряд: всех этих устаревших толстых, лермонтовых, гончаровых...

– Печориных, – вставила Галина.

– Не смешно, – угрюмо посмотрел на нее Герман.

– Ну, а почему бы и тебе чего-нибудь не экранизировать? – предложила Галина, наклонив голову.

– Да я пытался, – напомнил Герман. – Но ведь все уже разобрано! Паразиты подсустились – на годы вперед за-
бронировали решительно всю классику. «Войну и мир» за-
брал Бондарчук, «Преступление и наказание» – Кулиджа-
нов, «Даму с собачкой» – Хейфиц... Даже смехотворные
«Двенадцать стульев» – и те уже заняты Гией Данелией...

– Единственным талантливым из тобой перечисленных, –
заметила Галина. – Ну, а мы-то с тобой в этом году что будем
снимать?

– Не знаю пока, – процедил Герман и нервно зажег оче-
редную сигарету. – Я уже пять сценарных заявок подал. Ни
одна пока не одобрена... Да даже если и одобрят... Что даль-
ше? К чему это приведет? Ну, сниму я еще одну картину.
Ей опять дадут вторую категорию, и никто ее толком не уви-
дит... А жнейцеры продолжают варганить свои дефективные
«Воскресения»... И так всю жизнь.

– Неужели это никак нельзя изменить? – простонала Га-
лина.

– Пока живы жнейцеры? – фыркнул Герман. – Исключе-
но!

– Живы, говоришь, – повторила Галина. – А тогда знаешь
что – убей Жнейцера!

– А что, это мысль, – хмыкнул Герман, выпуская дым из
обеих ноздрей. – Очень неплохо было бы прикончить этого

паразита... Только вот как?..

– Отрави его, – хихикнула Галина.

– Как Катя Маслова отравила купца? – усмехнулся Герман.

– Какая Катя? – не поняла Галина.

– Ну, эта, из «Воскресения»...

– А-а, – протянула Галина. – Что ж, вот именно так его и отрави. Поступи с ним, вдохновившись, так сказать, его же опусом.

– Гм, – только и произнес Герман, после чего надолго задумался.

Когда Галина уснула, он встал и, не включая свет, взял с полки томик Толстого. Герман помнил, что роман «Воскресение» находится в предпоследнем томе имеющегося у него собрания, поэтому не ошибся и выбрал на ощупь нужную книгу.

Затем Герман пошел на кухню, зажег там свет, присел, закурил и стал листать книгу.

Дойдя до интересующего его места, он стал жадно читать: «...По возвращении Смелькова из дома терпимости в гостиницу “Мавритания” вместе с проституткой Любкой сия последняя, по совету коридорного Картинкина, дала выпить Смелькову в рюмке коньяка белый порошок, полученный ею от Картинкина...»

Следующим вечером кинорежиссер Жнейцер, уютно устроившийся в кресле за чтением журнала «Новый мир», услышал звонок в дверь.

«Кто бы это мог быть?» – недоуменно хмыкнул про себя Жнейцер и пошел открывать.

За порогом стоял его коллега Графов.

Жнейцер невольно поморщился. К Графову он относился с тщательно скрываемым презрением.

Однако врожденная деликатность заставила Жнейцера сделать вид, что он слегка даже обрадовался неожиданному гостю.

– Г-герман? – с заминкой выговорил хозяин. – Какими судьбами? Ну что ж, проходи...

Герман вошел, закрыл за собой дверь и только потом сказал:

– Привет, Мойша!

Жнейцер снова недовольно поморщился. Он не любил, когда ему напоминали о его еврействе. Тем более что он давно сменил свое первоначальное имя Моисей на Михаил. А тут вдруг этот бесцеремонный Графов зачем-то напоминает об этом. Да еще с такой фамильярностью...

Но и в этот раз Жнейцер заставил себя промолчать. «В конце концов, я ведь действительно Мойша, – подумал он. –

Именно так меня звали в детстве. А Графов... как бы я к нему ни относился, все-таки коллега. А у нас, режиссеров, чрезмерно церемониться в общении друг с другом не принято...»

– Здравствуй, Герман, – с запозданием ответил Жнейцер на приветствие Графова. – Так какими, говоря, судьбами?

– А ты как думаешь? – усмехнулся Герман и зачем-то подмигнул хозяину.

Жнейцер вконец растерялся:

– Да я, право, не знаю, что и думать... Ты скажи лучше прямо...

– Ну и скажу, – вновь усмехнулся Герман. – Чего здесь темнить-то? Я всего-навсего пришел поздравить тебя с успешной картиной.

– Да что ты? Серьезно? – не поверил Жнейцер. Он впервые сталкивался с тем, что режиссер настолько радуется успеху коллеги, что даже приходит к нему домой сообщить об этом. «Нет, здесь что-то не так», – подумалось Жнейцеру. А вслух он добавил: – Впрочем, это разве такой уж успех?..

– Еще какой! – воскликнул Герман. – Вон – во всех газетах о тебе статьи...

– Ну, это еще ни о чем не говорит... – скромно пробормотал Жнейцер.

– Говорит, говорит, – уверил Герман. – Тебя еще и на фестиваль как пить дать пошлют. В Канны и в остальные тому подобные места...

– Да ладно, – махнул рукой Жнейцер. – Ты уж, Герман, не преувеличивай...

– Может, поспорим? – предложил Герман.

Но спорить Жнейцер не стал. Он вдруг спохватился, что даже не предложил гостю сесть:

– А чего же мы стоим, не понимаю прямо... Пойдем, что ли, на кухню, чаю выпьем.

– Охотно, – обрадовался Герман.

Пока Жнейцер кипятил воду и заваривал чай, отлучившийся вымыть руки Герман вдруг вернулся с двумя бокалами, доверху наполненными чем-то темно-янтарным.

Жнейцер вновь испытал неудовольствие: «Зачем же он без спросу взял бокалы? Мог бы и меня попросить... У него совсем никаких манер. Впрочем, хорошо, что он вроде бы ничего не разбил там, в комнате. С него бы это случилось...»

– Сюрприз, – пропел тем временем Герман.

– Что это? – хмыкнул Жнейцер, кивая на содержимое бокалов.

– Коньяк! – триумфально воскликнул Герман.

– Вот как? – приподнял брови Жнейцер. – Я вообще-то не...

– Давай-давай, – поставив бокалы на стол, Герман похлопал Жнейцера по плечу. – Сегодня надо. Не каждый день из недр «Мосфильма» выходят такие махины, как твое «Воскресение»...

Жнейцер хотел было возразить, что его картина вышла

уже много дней назад, но опять промолчал и послушно сел за стол.

Герман тоже сел и торжественно поднял свой бокал.

Жнейцер вяло откликнулся, и коллеги чокнулись.

– До дна! До дна! – настаивал Герман, глядя, как Жнейцер чуть ли не с отвращением цедит его коньяк.

Жнейцер пересилил себя и допил-таки до дна. Затем выдохнул, вытер тыльной стороной ладони губы и изможденно посмотрел на Германа.

– А ты чего же? – кивнул он на бокал Германа, заметив, что тот к коньяку даже не притронулся.

– Я – сейчас, – ответил Герман, после чего поднял свой бокал и зачем-то посмотрел его на свет.

И тут же в один миг опустошил его.

После выпивки Герман заметно повеселел, тогда как Жнейцер, наоборот, несколько поник. Он сидел недвижно и глядел на гостя осоловелыми глазами.

– А какие у тебя, Мойшенька, творческие планы? – вдруг задушевно спросил Герман.

– Да вот, – произнес Жнейцер после паузы, – Катаева думаю поставить.

– Иди ты! – присвистнул Герман. – Неужто «Цветик-семицветик»?

– Нет, – поморщился Жнейцер. – Это... как его... «Время, вперед!».

– Ясно, – хмыкнул Герман. – К пятидесятилетию Октября хочешь поспеть?

– Зачем? – возразил Жнейцер. – Я и раньше успею... До этого самого юбилея сколько еще...

– Ну, а непосредственно к юбилею еще чего-нибудь в таком духе снимешь? – усмехнулся Герман. – «Оптимистическую трагедию» там какую-нибудь...

– Да нет, – помотал головой Жнейцер. – Это мне как раз не нравится... Тем более Самсонов уже ставит... С Володиной своей, как всегда...

– Ну и что же? – неодобрительно отвечал Герман. – Я вот тоже Гортензи постоянно снимаю. Тебя и этот факт не устраивает?

– Нет, отчего же... – немного смутился Жнейцер.

– И потом, что значит «не нравится»? – хмуро продолжал Герман. – «Время, вперед!» тебе, что ли, нравится? Или «Воскресение» твое треклятое?

– Позволь, – начал возражать Жнейцер. – Я вообще всегда берусь только за то, что лично меня... Ой! – внезапно воскликнул режиссер. – Что это со мной?..

– Да, что с тобой? – осведомился Герман, почему-то улыбаясь.

– Плохо мне как-то. – Жнейцер схватился за живот. – Не надо было пить, наверно...

– Мне же нормально, – пожал плечами Герман.

– Видно, ты привычный... Слушай, мне правда ужасно...

Все хуже становится... Надо «Скорую» вызвать...

– Не надо! – отрезал Герман. – Поздно уже.

– То есть как это? – не понял Жнейцер, бросив взгляд на наручные часы.

– Я имею в виду: тебе уже никто не поможет, дражайший Мойша, – любезно пояснил Герман.

У Жнейцера задрожали губы:

– О ч-чем это ты г-говоришь?

– А ты еще не догадался? – удивился Герман. – Я ведь тебя отравил, друг мой ситный.

– Чем?! – в ужасе воскликнул Жнейцер. Он попытался привстать, но у него не получилось.

– Крысиным ядом, – хладнокровно отвечал Герман.

– Кошмар какой! – не поверил своим ушам Жнейцер. – За что же? За что?

– Ты мой конкурент, – сознался Герман. – Только за это.

– Конкурент? В чем? В каком смысле? – ничего не понимал режиссер.

– О тебе столько пишут, – напомнил Герман. – А обо мне – ни строчки. Не будь тебя, писали бы обо мне...

– Да с чего ты взял? – прохрипел Жнейцер.

– Не знаю, может, я и заблуждаюсь, – пожал плечами Герман. – Но ведь назад уже все равно не переиграешь...

– Отравить? Меня? – все сокрушался умирающий Жнейцер. – Мне такое... и в голову никогда... прийти не могло...

– Ну, а мне вот пришло, – усмехнулся Герман. – И знаешь,

ты сам меня вдохновил...

– Чего-о? – взревел Жнейцер.

– Ну как же, твоя любимая Катя Маслова тоже ведь была отравительницей. Я вдохновился этим любовно изображенным тобою светлым образом и отправился, фигурально выражаясь, по Катиным стопам...

– Маслова никого не травила, – из последних сил выдавил Жнейцер, после чего замертво рухнул лицом в стол.

– О чем это он? – недоуменно произнес озадаченный Герман.

– Поздравь меня, – этим же вечером рассказывал Герман Галине, – я отравил Жнейцера!

– Как? – ахнула Галина. – Ты что – серьезно?

– Ну конечно, – сказал Герман. – Небось уже завтра некролог напечатают... И после этого мы о Жнейцере не прочитаем уже никогда...

– Герман, ты шутишь? – испуганно посмотрела на него Галина. – Ну скажи, пожалуйста, что ты шутишь...

– Нет, – совершенно серьезно ответил Герман. – Я не шу-чу.

– Какой ужас! – прошептала Галина.

– Позволь, Галя, – нахмурился Герман, – ведь ты сама мне это посоветовала...

– Я?! – удивилась Галина.

– Ну да, вчера. Забыла, что ли?

– Герман, Герман... – простонала Галина. – Я ведь это не всерьез... Я пошутила просто!

– Да? – осекся Герман. – А мне показалось, ты говорила на полном серьезе.

– Как же ты мог так меня понять... вернее, не понять? – мотала головой Галина.

– Получается, неправильно понял, – вздохнул Герман. Но тут же снова оживился: – Хотя, знаешь, я ни о чем не жалею!

Этого паразита следовало проучить, и я его проучил.

– Но что это тебе дало? – тихо спросила Галина.

– Во-первых, моральное удовлетворение, – отвечал Герман.

– А во-вторых?

– Во-вторых, у меня только что стало одним конкурентом меньше! – торжественно воскликнул Герман.

– Всего одним, – подчеркнула Галина. – Боюсь, мы с тобой этого даже не почувствуем.

– А мне кажется, почувствуем, – не согласился Герман. – Сама подумай: о чем стали бы писать эти газетчики, если бы не было Жнейцера и его дурацкого «Воскресения»? Тогда, может, и обо мне бы написали...

– Почему сразу о тебе? – возразила Галина. – Они ведь не только о Жнейцере пишут. Еще часто о Мумунине, Хучрае, Хвосточком...

– Что ж, – Герман побарабанил пальцами по спинке кровати, – со временем можно будет и от них избавиться...

– Герман! – взмолилась Галина.

– Ну что «Герман»? Ты еще скажи, что тебе их жалко!

– Мне тебя жалко. Я не хочу, чтобы мой любимый человек оказался в тюрьме. А то и в могиле. Ведь за убийство у нас расстреливают, не правда ли?

– Да, но на меня никто не подумает, – убежденно сказал Герман.

– Откуда такая уверенность? – с сомнением посмотрела

на него Галина.

– Просто потому, что не подумают! Даже возникни у кого такая мысль, он от нее отмахнется. Только скажет про себя: да нет, этого не может быть, потому что не может быть никогда...

– Но почему не может-то? – не понимала Галина.

– А кто такие убийцы? – отвечал Герман. – Обычно те, кто живет на горьковском дне. Опустившиеся, спившиеся, необразованные люди. Третий сорт. И уж конечно не имеющие никакого отношения к искусству и творчеству. Творческие личности не убивают – это всем известно...

– Но ведь ты творческий... – прошептала Галина.

– Правильно! – подтвердил Герман. – Именно потому на меня не подумают! Я мало того что творческий – я режиссер! А режиссеры режиссеров не убивают – такого не было никогда и нигде! Я стану тем единственным в этой трусливой братии, кто отважился на подобное!

– Герман, я всегда знала, что ты – исключительный человек. – Галина, расчувствовавшись, обняла любовника и прижалась к его плечу.

– А ты, Галя, – не менее исключительная женщина, – удовлетворенно ответил Герман.

Герман Графов работал на «Мосфильме» несколько лет. И все эти годы коллеги удивлялись, как это он умудряется так долго здесь держаться.

Дело в том, что картины, снятые Германом, общепризнанно считались наихудшей продукцией «Мосфильма». Всякий раз, когда принимали очередную работу Германа, начальству не оставалось ничего другого, как присвоить ей вторую категорию. Это означало, что фильм будет напечатан ничтожным числом копий и выпущен в недолгий прокат лишь в маленьких провинциальных кинотеатрах. Для периферии, мол, и такая чепуха сгодится...

Неудивительно, что о режиссере Графове слыхом не слышали даже самые большие любители советского кино. О нем никогда нигде не писали, его фильмов почти никто не видел... Словом, выходило так, будто бы и вовсе не существовало такого кинорежиссера.

А вот в личной жизни Герману очень повезло. Еще во время съемок своего дебюта (кинокомедии «Забавные заботы») он познакомился с начинающей актрисой Галиной Гортензи, недавней выпускницей ВГИКа.

Гортензи было Галининым псевдонимом. Настоящая же ее фамилия была до обидного простецкой – Горина. Галина стыдилась ее с детства...

«Забавные заботы» и для Галины стали дебютом в кино. Уже через неделю съемок Герман и Галина стали любовниками и с тех пор не расставались. Расписываться они не спешили, считая, что их любовь не нуждается в таких условностях, как бюрократический штамп в паспорте...

Разумеется, Галина снималась и во всех последующих фильмах Германа. Но ни у одного другого режиссера она ни разу не сыграла даже в эпизоде. Ибо после «Забавных забот» весь «Мосфильм» дружно уверился в том, что Галина – феноменально никудышная актриса.

При этом никто не оспаривал общего убеждения, что Галина была редкой красавицей. Про нее говорили, что она – самый убедительный пример того, что одной только внешности, фактуры для актерской работы в кино недостаточно.

Учитывая все вышесказанное, нетрудно догадаться, что Герман и Галина стали на студии нарицательной парой. Режиссеры сходились на том, что даже самый творчески слабый из них выглядит Эйзенштейном на фоне Графова с его жалкими киноподелками. Актеры столь же дружно дивились на катастрофическую неспособность к игре Галины Гортензи.

– И как только она ВГИК закончила? – разводили они руками.

– А ее хахаль – как?! – усмехались им в ответ. – Нет, очень еще у нас все это не налажено в учебных заведениях. Принимают в искусство буквально кого попало...

– Да и что это, с позволения сказать, за псевдоним – Гортензи? – злословили третьи. – Вы хоть весь Союз обойдите, такой безвкусицы даже в самом задрипанном театрике не встретите...

В конце концов, Германа и Галину за глаза стали звать Графом и Гортензией. Делали даже такие предположения:

– Граф еще кое-как держится, покуда Гортензия молода. А как она начнет вянуть – капут им обоим. Поганой метлой эту парочку из кино выметут!

– Вы это серьезно? – озадаченно спрашивали другие. – Считаете, что Графа терпят из-за его пресловутой Гортензии? Она ведь ничего не умеет!

– Ну, на нее, по крайней мере, смотреть приятно. Пока еще...

Впрочем, и эти разговоры понемногу сошли на нет. К тому времени, как Герман отравил Жнейцера, о Графе и его Гортензии уже никто не вспоминал. На «Мосфильме» их попросту не замечали. Даже перестали выражать дежурное недоумение: дескать, и как это они до сих пор здесь держатся?..

Герман знал это и считал, что данное обстоятельство послужит еще одной страховкой в той преступной миссии, какую он на себя взял. На него никто не подумает еще и потому, что о нем в принципе никто никогда не задумывается!

Однако своей возлюбленной Галине Герман нипочем бы в этом не признался...

Через две недели после смерти Жнейцера Герман объявил своей любовнице:

– Галочка, скоро у нас будет еще одним конкурентом меньше... Я такой план разработал – закачаешься!

– Снова убийство? – побледнела та.

– Не убийство, – серьезно поправил Герман. – А справедливое деяние. Они уже все вдоволь насладились успехом. Надо и другим дорогу дать. Например, нам с тобой...

– Ну, а если у нас все-таки тоже будет успех... – начала Галина, но Герман перебил ее:

– Не «если», а обязательно будет!

– Хорошо, – кивнула Галина, – пусть так. Я о чем хочу сказать: когда у нас будет успех, кто-нибудь ведь и на наш счет может так же решить... То есть так, как мы решили на счет Жнейцера. Мол, Графов с Гортензи получили свое – пускай-ка теперь подохнут...

– Брось, – поморщился Герман. – Никому, кроме нас, такое и в голову не придет.

– Ну, а все-таки? – настаивала Галина.

– Если придет, – хмыкнул Герман, – то, знаешь, я роптать не буду. Справедливость превыше всего. Тем более в нашем социалистическом обществе. Если б мы в капстране какой жили, я бы не боролся за это... Но поскольку мы, к счастью,

в Советском Союзе... Словом, если нас захотят убрать с дороги другие Герман с Галиной, я соглашусь. Но при одном условии: прежде мы все же должны будем с тобой познать свой успех!

– Что познать? – переспросила Галина.

– Лавры. Они же плоды. Но до этого еще далеко. У нас пока только вторая жертва намечена.

– Так-так, – заинтересовалась Галина. – И кто же это?

– Тефин! – воскликнул Герман.

– Я о таком и не слышала, – пожала Галина плечами. – Он что, успешный?

– Очень, – сказал Герман. – Вот ты скажи мне: какой сейчас в Москве самый популярный фильм? Да что там в Москве – во всем Союзе! Так какой же?

– Не знаю, право, – задумалась Галина. – «Воскресение»?

– Да нет, – поморщился Герман. – Это только у горе-критиков наших популярно. А я же говорю: у народа.

– Тогда «Алые паруса», – предположила Галина.

– Не думаю, что это слишком нравится народу, – покачал Герман головой. – Для толпы даже Грин – довольно сложный писатель.

– А кто ж тогда простой? – хмыкнула Галина. – Дюма разве... А, поняла: «Граф Монте-Кристо» сейчас самый популярный!

– Да, – согласился Герман. – Но это французский. Зарубежных режиссеров я в расчет не принимаю. Нам бы со сво-

ими разобраться...

– Ой, ну я прямо не знаю, что там еще сейчас смотрят, – покачала головой Галина. – Тем более из нашего... «Осторожно, бабушка!», что ли, какая-нибудь? Помнишь, с Раневской... Мы с тобой видели.

– Помню, – подтвердил Герман. – Это Кошеверова снимала... Женщин я, кстати, не собираюсь трогать.

– Это делает тебе честь, – одобрила Галина. – Так, ну что же там еще-то осталось?.. – Она стала перечислять: – «Карьера Димы Горина», «Тучи над Борском», «Полосатый рейс»...

– Вот! – громко воскликнул Герман, подняв кверху указательный палец.

– Что – «Полосатый рейс»?

– Ну конечно, – весело подтвердил Герман. – Что же еще? Самая знаменитая кинокомедия сейчас! А снял ее Тефин.

– И поэтому его надо... – несмело начала Галина.

– ...убить, – решительно закончил Герман.

– И как же?

– А вот послушай.

И Герман придвинулся к Галине, собираясь внушительным шепотом изложить ей свой коварный план.

План Германа состоял в том, чтобы заманить Тефина в цирк и там скормить его тиграм.

– Кто к нам с тиграми придет, тот от тигров и погибнет! – афористично выразил Герман свою мысль, изложив Галине план убийства Тефина.

– Идея замечательная, – согласилась Галина, – но только как ты заманишь Тефина в этот самый цирк? Не скажешь же ты ему: пошли на тигров посмотрим... Он этими тиграми до конца жизни, наверно, сыт по горло...

– То, что «до конца жизни», это ты верно подметила, – отозвался Герман. – Поскольку жить Тефину осталось от силы сутки.

– Ой, ну откуда у тебя такая уверенность? – продолжала сомневаться Галина.

– А вот сейчас сама все увидишь, – самодовольно улыбнулся Герман. – Точнее – услышишь.

Он достал свою записную книжку, открыл ее на букве «Т» и придвинул к себе телефонный аппарат.

– Володька, привет! – выкрикнул Герман в трубку через полминуты. – Как кто? Не узнал, что ли? Ну ты даешь... Герман это! Герман!.. Тьфу ты, ну что значит «какой Герман»? Что, у нас Германов вокруг много... Нет, не Титов. – Герман зажал трубку рукой и обратился к Галине: – Вообрази, он ре-

шил, что я – Титов. Ну, космонавт номер два... Делает вид, что знаком с ним. Так я ему и поверил... – Он убрал руку и продолжил в трубку: – Володька, кончай дурака валять. Это Графов тебе звонит. Гра-фов. Тебе слышно, что ли, плохо? – Герман вновь зажал рукой трубку. – Галя, что-то он совсем уже... Делает вид, что меня не узнает!.. Але, Володька, давай встретимся у магазина «Продукты» и поговорим нормально. Ну, у «Продуктов» на Кропоткинской! Ты же там живешь, я помню... И я совсем неподалеку... Что? Через двадцать минут будешь? Хорошо, жду тебя.

Герман бросил трубку на аппарат и недовольно фыркнул.

– Мне всегда нравится твоя самоуверенность, – заметила Галина, – но иногда все же стоит не говорить «гоп» заранее...

– Это не в моих правилах, – отмахнулся Герман. – Я говорил и буду говорить «гоп», когда не сомневаюсь, что перепрыгну.

– Он тебя даже не узнал, – покачала головой Галина.

– Галочка, ты меня умиляешь, – любовно посмотрел на нее Герман. – Вот уж поистине святая простота... Где ему меня не узнать? Он зазнался просто! Снял свою пошлую кинокомедию, получил свой дешевый успех – ну вот и возомнил себя теперь невесть кем... Уже за это он заслуживает быть сожранным, – добавил Герман после паузы. Затем посмотрел на часы и вздохнул: – Ну что ж, пойду. Если он и дальше продолжит выкаблучиваться, я его, ей-богу, прямо там и придушу...

– Нет-нет, – иронически запротестовала Галина. – Вот если бы твой Тефин «Отелло» снимал, его можно было бы придушить. А в противном случае – никак нельзя!

– Ты, как всегда, права, моя умница, – Герман ласково чмокнул ее в переносицу. – Ну ладно, пойду. Заодно в «Продукты» зайду. Что купить?

– Молоко, – сказала Галина. – Только в бутылке, а не в пакете, а то опять протечет... Потом масло, хлеб... ну и мясо.

– А кукурузу? – пошутил Герман.

– Если только сам ее будешь грызть, – усмехнулась Галина.

– А газету взять?

– В «Продуктах»? – удивилась Галина.

– Нет, там же рядом киоск.

– Тогда возьми.

– Какую?

– «Вечерку». И «Литературку». И «Огонек» еще можно.

– А «Новый мир»? – спросил Герман.

– Лучше не надо, – поморщилась Галина. – После пресловутого «Ивана Денисовича» вообще не хочу этот журнал читать...

Когда через двадцать минут Герман подошел к магазину «Продукты», Тефин уже стоял там с полной авоськой в руках.

– А, так это ты, – сказал Тефин, вяло отвечая на энергичное рукопожатие Германа. – А я думаю: какой Герман? Что за Герман?..

– Ясно все с тобой, – усмехнулся Герман. – Зазнался просто.

– С чего бы мне зазнаваться? – как будто искренне удивился Тефин.

– Да брось уже это кокетство, – махнул на него Герман. – Вся Москва афишами твоего «Полосатого рейса» завешана.

– Ну и что? – пожал плечами Тефин.

– Как что?! – недоуменно посмотрел на него Герман.

– Ну, мне-то что с того, что вся Москва завешана афишами?

– Да как же? Успех, популярность...

– Я за этим не гонюсь, – покачал головой Тефин.

Герман едва не задохнулся от ярости. «Вот ты, значит, как. Хуже Жнейцера, ей-богу. Ну ничего, может, в пасти тигра одумаешься... Хотя уже поздно будет».

А вслух Герман вполне дружелюбно предложил:

– Володька, пойдем завтра в цирк?

– Чего? – вытаращился на него Тефин.

– В цирк, говорю, – невозмутимо повторил Герман. – Там тигры, кстати, будут.

– Это неостроумно, – покачал головой Тефин.

– Какое остроумие? Я серьезно. Ты ведь Генриха знаешь?

– Что еще за Генрих? – нахмурился Тефин.

– Опять ты за свое, – неодобрительно покачал головой Герман. – Генрих Оганисян, коллега наш.

– С «Мосфильма»?

– Нет, он на Горьковской студии.

– Я там никого не знаю, – развел руками Тефин.

– Так-таки и никого? – фыркнул Герман. – Что, даже Хвостецкого?

– Я с ним лично не знаком, – сказал Тефин.

– И с Оганисяном, стало быть, тоже заочно только?

– Нет, о нем я и не слыхал. Он режиссер? Что снял?

– «Девичья весна»... «Приключения Кроша»... – стал перечислять Герман.

– Увы, – вздохнул Тефин. – Первый раз слышу такие названия.

Герман поглядел на него внимательно:

– Ты, видно, из тех, кто только собственные картины смотрит, да?

– Ну, нельзя же за всем уследить, – хмыкнул Тефин.

– Кроме как за собой, – не унимался Герман.

– Слушай, я что-то не понимаю, к чему ты клонишь... –

недовольно сказал Тефин.

– Да брось, старик, все в порядке. – Герман улыбнулся и хлопнул Тефина по плечу. – Я ведь только затем тебе позвонил, чтобы позвать завтра на съемки к Генриху...

– Я с ним не знаком, я уже сказал... – начал Тефин, но Герман перебил:

– Да погоди ты! Дай договорить. Генрих завтра снимает в цирке сцену с тиграми. Ему там буквально крошечный эпизод снять... И вот он хотел, чтобы ты туда пришел и что-нибудь ему подсказал... Ты же у нас теперь главный специалист по тиграм...

– Ну, не я один, – слегка улыбнулся Тефин. – Кошеверова еще – такой же специалист. Она ведь «Укротительницу тигров» снимала.

– Так это когда было! – протянул Герман. – И она вообще из Ленинграда. И пожилая женщина... Короче, Генрих именно тебя хотел позвать. Как консультанта на один съемочный день.

– Что же он сам мне не позвонил? – недоверчиво спросил Тефин.

– Он скромный малый, – не моргнув глазом, соврал Герман. – Ну так что ему передать? Придешь завтра?

– Ну, приду, раз такое дело, – вздохнул Тефин. – Куда и во сколько?

– В Цирк на Цветном. К полудню.

– Хорошо, – кивнул Тефин, затем посмотрел на свою

авоську и раздраженно крякнул. Треугольный пакет молока дал течь, и под ногами уже успела набежать небольшая белая лужа.

– Вот ты раззява! – от души расхохотался на прощанье Герман. – В другой раз в бутылке молоко бери...

И, все еще посмеиваясь, Герман скрылся в дверях магазина.

На самом деле съемки в цирке были назначены режиссером Оганисяном на одиннадцать часов. К этому времени туда прибыл и Герман.

– Привет, старик! – поздоровался он с Оганисяном.

– Привет, привет, – отозвался режиссер. – Ты какими судьбами здесь?

– Сам же мне говорил, что сегодня тут снимаешь, – напомнил Герман.

– Ах да, – сказал Оганисян. – Но я не думал, что ты придешь...

– А с чего бы мне и не прийти? – хмыкнул Герман.

– Ну раз пришел, давай я тебя представлю... – Оганисян обвел руками арену, на которой расположилась съемочная группа. – Это наш оператор – Шумский Вячеслав... Это молодые наши актеры – Женя Жариков и Андрюша Мионов... Андрей, кстати, сын Мироновой и Менакера, помнишь, небось, таких?

– Как же, как же, – отозвался Герман, крепко пожимая руку Миронова. – Сызмальства рукоплещу вашим батюшке и матушке...

– Ну, а это... – хотел было представить Оганисян артисток Фатееву и Кустинскую, но Герман громогласно перебил его:

– Да ладно, Генрих, перестань! Уж с этими двумя Наташ-

ками я как-нибудь и без тебя знаком...

Фатеева и Кустинская переглянулись, после чего на всякий случай несмело улыбнулись Герману, которого совершенно не помнили.

Герман подмигнул артисткам, после чего взял Оганисяна за локоть:

– Можно тебя на минуту?

– Ну что, что такое? – забеспокоился режиссер.

– Здорово ты их вырядил, – усмехнулся Герман, кивая на двух Наталий, облаченных в костюмы дрессировщиц. – Прямо двойная порция секса какая-то...

– Порция, порция, – повторил Оганисян. – Ты за этим меня отвлек?

– Нет, не за этим, – посерьезнел Герман. – Тут такое дело, старик... Сюда сейчас Тефин заглянет...

– Какой Тефин? – перебил Оганисян.

– Ну вот все вы как на подбор! – всплеснул руками Герман. – Горазды притворяться, что друг друга не знаете... Повесть «Коллеги» Аксенов про вас вряд ли стал бы писать...

– Да я и впрямь не знаю никакого Тефина, – пожал плечами Оганисян. – Если он режиссер, то на студии Горького такой точно не работает. А если на вашем «Мосфильме», то...

– Тефин «Полосатый рейс» снял, – устало пояснил Герман.

– А, – сказал Оганисян. – И что дальше?

– И вот он сейчас сюда придет.

– А на кой?

– Объясняю, – Герман доверительно положил руку Оганияну на плечо. – Понимаешь, Володька возомнил себя главным в Союзе специалистом по тиграм. И у него, видишь ли, ревность разыгралась, когда он прослышал, что и ты тигров снимаешь...

– А откуда он об этом прослышал? – хмыкнул Оганиян.

– От верблюда, – парировал Герман. – Не в том сейчас соль, она же суть. Просто совсем расклеился наш Володька. Надо бы его поддержать... Вот он и придет сюда ну вроде как под видом консультанта...

– Слушай, – поморщился Оганиян, – я что-то не понимаю... Что за спектакль вы с этим вашим Володькой собираетесь устроить? Я себе одну съемочную смену здесь на арене выторговал. И то потому, что у них сегодня сандень вроде... Так что не надо мне, пожалуйста...

– Да ты о чем говоришь?! – обиженно прервал Герман. – Никто тебе палки в колеса ставить не собирается... Никакого спектакля не будет – все серьезно. Володька, говорю, расклеился...

– Чего это он расклеился? – хмыкнул Оганиян.

– А пес его знает, – пожал плечами Герман. – Вернее – тигр. Тигр его знает! – И он громко захохотал.

– Ладно, – опять поморщился Оганиян, – делайте что хотите, только, чур, мне не мешать. Иначе я вас обоих отсюда выставлю...

И, увидев появившегося на арене дрессировщика, спешно зашагал в его сторону.

К полудню, как и обещал, пришел Тефин.

На арене к тому времени уже находились в большой клетке несколько тигров, лев и дрессировщик.

Тефин приблизился к стоящему в стороне Герману:

– Ну и в чем здесь моя консультация нужна? Вон ему дрессировщик сейчас все объясняет... А я ведь не дрессировщик никакой...

– Брось скромничать, – сказал ему Герман. – Ты ведь, старик, потрясную картину про тигров снял. И Генрих тебе за это по-белому завидует...

Тефин хмыкнул:

– Ну, раз так, пойду, что ли, с ним познакомлюсь...

Он двинулся было в сторону Оганисяна, но Герман удержал его за рукав:

– Да погоди! Потом его проконсультируешь, когда все разойдутся. А то он скромничает...

– В каком смысле скромничает? – не понял Тефин.

– Ну, совестно ему, что сам не справляется и вынужден к коллеге обращаться.

– А зачем тогда... – начал Тефин – и тут подозрительно посмотрел на Германа. – Что-то ты темнишь...

– Я? Темню?! – оскорбился Герман.

– Хорошо, – терпеливо сказал Тефин. – Подождем.

Он сел на одно из зрительских мест и стал наблюдать, как Оганисян ставит сцену.

Герман подсел к Тефину.

– Зачем ему моя консультация понадобилась? – недоуменно произнес Тефин через некоторое время. – Он и сам прекрасно справляется...

– Такой уж он, Генрих, – с гордостью за друга произнес Герман. – Вечно стремится к совершенству.

– Как и все мы, – добавил Тефин. Герман, отвернувшись, презрительно скривился.

Вскоре съемки тигров и льва закончились, и униформисты увезли клетку с арены.

Тефин приподнялся, чтобы наконец пройти к Оганисяну, но Герман снова его удержал:

– Подожди, он сейчас еще артистов снимет.

Действительно, Оганисян и его оператор стали снимать крупные планы актеров.

– Пойдем пока за кулисы прошвырнемся, – небрежно предложил Герман Тефину.

– Зачем? – хмыкнул Тефин.

– Да так просто...

– Нет, ну зачем все-таки?

– Просто так, – повторил Герман. – Покурим.

– Я не курю, – отозвался Тефин.

– Ну, со мной постоишь.

– А что ты здесь не закуришь?

– Я там хочу.

Тефин тяжело вздохнул и нехотя поднялся на ноги.

Обрадованный Герман тоже вскочил. Вскоре коллеги скрылись за кулисами.

Герман безошибочно определил, где находятся тигры, и быстрым шагом проследовал к ним. У клетки он остановился.

– Что, здесь будешь курить? – спросил подошедший следом Тефин. – При зверях?

Герман не отвечал. Он пристально смотрел на массивную защелку на клетке. Пальцы его словно сами собой потянулись к этой защелке... но тут его схватила за кисть крепкая рука Тефина.

– С ума сошел? – прикрикнул он на Германа.

– Зачем так орать? – поморщился Герман, брезгливо вырывая свою руку.

– Да как с тобой не орать... – проворчал Тефин. – Это ведь тебе не котята, а хищники. Я, если хочешь знать, на съемках пресловутого «Полосатого рейса»...

Но тут Герман резко сдвинул защелку и шмыгнул к тиграм в клетку.

Тефин побледнел.

– Ты... пьяный, что ли? – недоуменно уставился он на Германа.

Не получив ответа, Тефин несмело двинулся вперед и протянул руку. Он хотел схватить Германа и вырвать из клетки, но тот понял его намерение и отошел к задней стенке. Тигры непонимающе смотрели на незнакомца. Один из них уже начал привставать...

– Помогите! – попытался крикнуть Тефин, но у него получилось издать лишь невнятный хрип.

Тогда он резко вскочил в клетку и схватил Германа за руку.

– Пошли, пошли отсюда... – шипел Тефин Герману, пытаясь выволочь его наружу, но тот не поддавался.

Тефин тянул его изо всех сил, но в какой-то момент Герман изловчился и в долю секунду выскочил вон из клетки, захлопнув за собой дверь и задвинув защелку. Причем он сделал это так резко, что ручка защелки оторвалась и упала на пол.

Тефин смотрел на Германа во все глаза.

– Ты... ты чего делаешь? – лепетал он, не в силах отвести от Германа взгляда.

– Извини, это я случайно, – виновато улыбнулся Герман,

двигая носком туфли оторвавшуюся ручку на полу.

– Что значит «случайно»?! – воскликнул Тефин. – Открой-вай давай! Что за идиотские шутки?!

– Рад бы, но не могу, – пожал плечами Герман. – Сам видишь: сломалось.

– Ну так зови на помощь! Беги! Что стоишь?! – Тефин говорил и непрерывно мотал головой, оглядываясь на хищников.

В это время один из тигров уже приблизил свою морду к ноге Тефина и стал ее обнюхивать.

– Помогите! – истошно завопил Тефин.

В тот же миг рассвирепевший тигр приподнялся на задних лапах и опрокинул Тефина наземь.

Спешно удаляясь обратно на арену, Герман слышал предсмертные вопли Тефина, раздираемого тиграми.

Больше этого не слышал никто. Униформисты вышли на улицу, а на арене играла громкая музыка.

Когда Герман возвратился на свое место в зрительном зале, на него даже никто не оглянулся.

Лишь через четверть часа униформисты выбежали на площадку и в отчаянии замахали руками съемочной группе.

Оганисян дал знак остановить музыку и пошел навстречу униформистам.

– Несчастье... – задыхаясь, заговорил один из них. – Там... кого-то из ваших... задрали...

– Германа?! – воскликнул Оганисян.

– Я здесь, – подал тот голос из зала.

Оганиян обернулся:

– А кого же тогда?..

Вся съемочная группа проследовала за кулисы. Позади всех шел Герман.

Издалека бросив взгляд на покойника, Кустинская и Фатеева дружно вскрикнули и отвернулись, закрыв руками лица.

Мужчины тоже с трудом могли смотреть на изодранное тело.

– Кто-нибудь... знает... его?.. – кое-как выдавил из себя Оганиян.

– Это Владимир Тефин, – громко, но спокойно ответил стоявший поодаль Герман.

Все в ужасе посмотрели на него.

– Бедняга, – сочувственно сказал Герман, понутив голову. – На его месте должен был быть я.

Вскоре в цирк прибыла «Скорая», а также отряд милиции во главе с майором Жаверовым.

Врач констатировал смерть, майор начал опрашивать свидетелей. Сразу выяснилось, что хоть какие-то показания о случившемся мог дать один только Герман.

Жаверов уединился с ним в кабинете директора цирка.

– Итак, все по порядку, – начал майор, когда они с Германом сели за стол друг напротив друга. – Что случилось?

– Не могу в точности знать, товарищ майор, – браво отвечал Герман. – Могу лишь предполагать.

– Ну, предположите.

– Боюсь, моего коллегу, – сокрушенно сказал Герман, – погубила излишняя самоуверенность...

– Сначала, пожалуйста, – нахмурился Жаверов. – Что он вообще здесь делал, ваш коллега? Вы пришли вместе?

– Нет, я пришел раньше. К своему другу Генриху.

– Это режиссер фильма, который здесь снимает? – уточнил Жаверов.

– Верно, товарищ майор, – подтвердил Герман.

– И вы его коллега, этого Генриха?

– Так точно. И даже друг.

– А пострадавший?

– Он тоже коллега и друг, – кивнул Герман. – Вернее, был

им, – вздохнул он.

– М-да, – сказал майор. – Вы, значит, не были свидетелем несчастья?

– Увы, – снова вздохнул Герман. – Мы сидели в зале, следили за съёмочным процессом... Наш друг Владимир в какой-то момент вышел и...

– Позвольте, – перебил Жаверов. – Генрих... как его фамилия?.. Оганисян, да. Он же говорил, что не знал пострадавшего...

– Да, конечно, – согласился Герман. – Не знал. Просто Владимир очень хотел познакомиться с Генрихом. Дело, понимаете, в том, что недавно Владимир снял успешную картину «Полосатый рейс»... Вы, небось, тоже видели, товарищ майор?

– Видел, – хмыкнул Жаверов.

– Да все уж видели, – махнул рукой Герман. – А наш... вернее, мой друг Генрих сегодня как раз ставил сцену с тиграми для своего нового фильма. Вот Владимир и решил, что он, как специалист, что ли, по тиграм придет к коллеге, ну, и посмотрит на его работу, подскажет, поправит...

– Да уж, специалист, – мрачно изрек майор. – Зачем же он полез в клетку к тиграм, ваш Владимир... как бишь его?

– Тефин, – подсказал Герман. – Зачем полез – не могу знать, товарищ майор. Сам удивляюсь.

– А он не пьяный был?

– Вроде бы нет, – пожал плечами Герман.

– Впрочем, экспертиза установит, – задумчиво проговорил Жаверов. – Что там случилось с защелкой, вы, конечно, тоже не знаете? – глянул он на Германа.

– С защелкой? – невозмутимо переспросил тот. – А что с ней?

– Сломана. Так что, возможно, он и не лез к хищникам в клетку, а они его сами туда затащили, поскольку дверь была открыта...

– Все это ужасный несчастный случай, – горестно сказал Герман.

– Судя по всему, – мрачно согласился Жаверов. – Признаться, с таким я еще не сталкивался... Ни по службе, ни в жизни. А вот вы... – Майор посмотрел на Германа. – Вы как будто даже не слишком шокированы. Удивительное дело...

– В этом, видно, и состоит для меня шок, – мгновенно нашелся Герман. – Пока я еще, возможно, не осознал случившегося... А как осознаю... – Он замолчал и поежился, заранее страшась, что с ним будет, когда придет осознание.

– Что ж, – сказал Жаверов, – пока вы еще в столь собранном состоянии... может, успокоите остальных?.. То есть понятно, что о спокойствии здесь речь уже идти не может, но... Объясните, что вот такой, мол, несчастный случай. Тем более что, кроме вас, никто из них не был знаком с пострадавшим... Ну, заодно и скажете, что они могут расходиться.

– Будет сделано, товарищ майор. – Герман вскочил на ноги и энергично покинул кабинет.

Вечером Герман поведал обо всем Галине.

– Какая кошмарная смерть, – содрогнулась Галина, представив себе, как, к счастью, незнакомого ей Тефина раздирают тигры.

– Нормальная, – не согласился Герман. – Тем более что он это заслужил... То есть не то чтобы заслужил, а просто... Ну, вот он ведь познал успех, славу. Чего бы ему и не умереть аккуратно в этот момент, не правда ли? Я думаю, никому неохота умирать всеми забытым, позаброшенным, перебирающим в старческих мозгах бывшие достижения, которые ныне никого уже не интересуют... Так что я, можно сказать, оказал Тефину пребольшую услугу. Он погиб на пике, будучи счастливым человеком!

– Хочешь сказать, ты даже выступил его благодетелем? – недоверчиво спросила Галина.

– Именно, моя радость, именно! – воскликнул Герман. – Меня только одно смущает... – Он внезапно вспомнил о чем-то и нахмурился.

– И что же? – поинтересовалась Галина.

– Понимаешь, я же там оставил отпечатки – на этой самой клетке. Ну, когда открывал ее, а потом закрывал.

– Но они же не станут проверять их? – с надеждой спросила Галина.

– Вроде как не должны, – задумчиво сказал Герман. – Вот только я еще защелку там сломал... Непреднамеренный такой вот казус... А милицию это может натолкнуть на мысль, что кто-то, мол, нарочно это сделал, чтоб тигры напали на Тефина...

– И если они так решат, то снимут отпечатки, сличат их с твоими и... – Галина в ужасе закрыла лицо руками.

– Да нет, Галочка, не дотумкают они, – бодрым тоном возразил Герман. – Вот только следующих, конечно, придется умерщвлять в абсолютной тайне. И задолго до прихода милиции уносить ноги с места преступления.

– А ты намерен продолжать? – поглядела на него Галина.

– Естественно, – подтвердил Герман. – Иначе и начинать не было смысла. Смерть этих двоих ничего еще не решает. Вот когда их наберется десяток-другой, тогда мир наконец услышит о Германе Графове!

– Только бы как о режиссере, а не как об убийце, – негромко заметила Галина.

– Если пронесет с отпечатками, то моя тайная жизнь убийцы не будет известна никому, кроме тебя, мой ангел! – провозгласил Герман и чмокнул Галину в зардевшуюся щеку.

– А этот твой армянский Генрих? – сменила тему артистка. – Его ты тоже потом... ну, кому-нибудь там скормишь?

– Нет, ну что ты, – покачал головой Герман. – Он же как-никак друг. А дружков не скармливают.

– Но он ведь тоже, небось, успешный, – не унималась Га-

лина.

– Куда там, – отмахнулся Герман. – Нет, Галочка, ша-лишь... Оганиян и успех – две вещи несовместные, как ска-зал поэт. Да и что он там снял-то? «Девичья весна», «При-ключения Кроша»... Словом, сплошная чепуха на постном масле.

– Ну, а может, эта новая картина станет успешной? – Га-лина как будто дразнила Германа. – Как она там у него на-зывается?

– «Три плюс два», – сказал Герман. – Поверь мне, это тоже никого не заинтересует. Он и сам это понимает, а потому за все подряд цепляется. Прогремел «Полосатый рейс», он сразу ринулся тигров в свою картину вставлять... Нет, Галя, так шедевры не снимаются.

– А как снимаются? – серьезно спросила Галина.

– Как угодно, но только не так, как это делает Оганиян, – со смехом отвечал Герман. – Что у него там? Ну, две Наташ-ки, которые всем уже надоели... Тем более толстые. Не то что ты, ангел мой! – Герман с восхищением окинул взглядом стройную фигуру Галины. – Кто у него еще? Какой-то Анд-рюша Миронов... Сын Мироновой и Менакера, представ-ляешь! Помнишь этот допотопный дуэт?

– Помню, – кивнула Галина. – Они вроде и сейчас высту-пают.

– Ну да, в качестве музейных реликвий. Да нет, это еще и при Сталине было редкостной безвкусицей... А уж сейчас...

– Вообще-то при Сталине безвкусицы было поменьше, – заметила Галина.

– Да! – тотчас подхватил Герман. – Никаких таких «Полосатых рейсов» тогда не снимали! И Солженицына не печатали!

– Одни мы с тобой и остались – носители хорошего вкуса, – вздохнула Галина.

Вскоре Герман и Галина посмотрели в кино картину режиссера Хучрая «Чистое небо», которая недавно получила Большой приз на Московском кинофестивале.

Фильм произвел на любовников тягостное впечатление.

Половину дороги от кинотеатра до дома они молчали. Наконец Герман вздохнул:

– Да уж...

– Да... – тут же подхватила Галина. – Вот именно. Все настроение испортилось.

– Кто бы мог подумать, – мрачно сказал Герман, – что у нас начнут такое снимать. Да я бы еще пару лет назад в такое не поверил!

– Что там пара лет, – горько усмехнулась Галина. – Я бы и пару дней назад не поверила.

– Нет, ну в какое гадкое время мы живем! – все больше распалялся Герман. – На Сталина они, видишь ли, бочку катят... При нем не пищали, а как только стало можно, тут же и началось: «Культ личности! Культ личности!» Абсолютно бессмысленное словосочетание...

– Как замечательно сказал Михаил Александрович: «Был культ, но была и личность», – заметила Галина.

– Какой Михаил Александрович? – осекся Герман.

– Шолохов.

– Что, он лично тебе так сказал? – улыбнулся Герман.

– Ой, перестань, – дружелюбно толкнула его Галина. – Я знаю, он тебе не нравится...

– Нет, отчего же, – не согласился Герман. – «Поднятая целина» – ничего так.

– «Тихий Дон» еще лучше, – убежденно сказала Галина.

– Верю тебе на слово, – улыбнулся Герман. – У меня все равно терпения никогда не хватит его домучить.

– Я только к тому, что у нас с тобой еще есть единомышленники. Так что не надо отчаиваться.

– Ты, как всегда, права, – благодарно посмотрел на возлюбленную Герман. – Я вообще думаю, что единомышленников – то есть попросту нормальных людей – во все времена минимальное количество. Просто в дурные времена на виду не они, а всяческие конформисты и приспособленцы...

– Да, вот как сейчас, – закивала Галина. – Оболгали Сталина на двадцать втором съезде – и все конъюнктурщики давай лепить дешевую мазню на потребу времени...

Герман снова внимательно посмотрел на нее:

– Ты еще следишь за всеми этими съездами...

– Конечно, мой милый, и тебе советую.

– Зачем? – фыркнул Герман. – Я в конъюнктурщики пока еще не мечу!

– Да, – сказала Галина, – но ты тогда хотя бы понимал причины появления фильмов вроде этого «Чистого неба». И не так бы расстраивался от этого.

– А, – махнул рукой Герман. – Тут знай не знай, все равно – одно расстройство.

– Если б я была в курсе, о чем эта картина, я бы тебя на нее не затащила, – виновато произнесла Галина.

– Перестань, милая, – приобнял ее Герман. – Я тебе, если хочешь знать, напротив, благодарен за сегодняшний вечер. И знаешь почему?

– Догадываюсь...

– Вот именно, солнце ты мое! Следующей жертвой объявляю Хучрая! – провозгласил Герман.

– Жертвой культа личности, – хихикнула Галина.

– Ты просто читаешь мои мысли! – с восторгом заорал Герман. – Кто на культ личности замахнется, тот от культа личности и погибнет! Я лично так считаю.

– И правильно считаешь, – заранее одобрила Галина, хотя еще не совсем понимала, к чему клонит ее любовник.

Этот разговор они продолжили уже дома.

– А вот как ты думаешь, – спросил у Галины Герман, – Хучрай всерьез снял эту свою гадость? Ну то есть он действительно верит в то, что снимает, или нарочно, так сказать, конъюнктурствует?

– Второе, – убежденно сказала Галина.

– А вот и ошибаешься, – улыбнулся Герман. – Я этого Хучрая немного знаю. Он не из тех, кто кривит душой...

– Ну, ты его еще хвалить начни... – поморщилась Галина.

– Хвалить я не собираюсь, – покачал головой Герман, – но и зря наговаривать на человека не стану. Штука в том, что Хучрай всерьез считает, что именно так все и было при Сталине, как он про это снял. Я в этом убежден.

– Да что он тогда – безглазый, что ли? – возмутилась Галина. – Где он видел, чтобы такое происходило? Чтобы человека, во время войны попавшего в плен, потом на родине притесняли и жизни ему не давали?! Герман, ты сам посчитай, сколько у нас знакомых, побывавших в плену! И они ведь ни на что подобное не жаловались...

– Знаю, – согласился Герман. – Мне-то можешь не говорить об этом, а вот попробуй Хучраю!.. А, он тебя и слушать не станет, – тут же отмахнулся Графов.

– Но как это объяснить в таком случае? – искренне недо-

умевала Галина. — Если не конъюнктура, то что здесь тогда? Обыкновенная глупость разве что?..

— Не без этого, — вздохнул Герман. — А главное, понимаешь, есть такие люди, которые вечно чем-нибудь недовольны. Вот выиграли мы величайшую войну в истории, а они все равно брюзжат: культ личности, культ личности... Вот и мерещатся им на почве этого недовольства всякие байки про притеснения и злоупотребления...

— Как это — мерещатся? — опять не поняла Галина. — Как можно увидеть то, чего нет? Спьяну только или, может, мираж какой-нибудь... Но миражи вроде бы только в пустыне...

Герман усмехнулся:

— «У страха глаза велики» — слышала такое? Если человек хочет напугаться, он чего угодно испугается. Сам придумает что-то страшное и через секунду сам же в это и поверит. Психология гомо сапиенса — она, знаешь, избыточно заковыристая вещь...

— Хочешь сказать, — все еще недоверчиво уточнила Галина, — Хучрай сел писать сценарий, напридумывал там всяких страстей, а потом сам в них и поверил?!

— Именно, моя радость, — подтвердил Герман. — И я как раз подумал, что если уж он такой боязливый, то на этом мы и сыграем.

— Ты собрался напугать его до смерти? — усмехнулась Галина.

– Угу, – кивнул Герман.

– Ну, что-то это как-то... – засомневалась Галина. – Разве такое возможно?

– Еще как! – воскликнул Герман и даже вскочил на ноги. – Более того, я считаю, что абсолютно каждого человека можно напугать до смерти!

– Так-таки и каждого? – все еще не верила Галина.

– Конечно! – взмахнул руками Герман. – И каждый может легко себе представить собственную смерть такого рода... Вот, например, ты, Галочка, чего боишься?

– Сразу так и не скажу, – задумалась та. – Мышей, например.

– Нет, мышей – это мелко, – поморщился Герман. – Я тебе сам сейчас назову. Привидений, например, боишься?

– Привидений не существует, – хмыкнула Галина.

– Разумеется, но если бы ты вдруг увидела призрак, что бы тогда подумала?

– Не знаю, – пожала актриса плечами. – Что это неправда все. Что меня хотят напугать.

– Как бы не так, – замотал головой Герман. – В этот момент тебе будет не до анализа ситуации. Ты просто увидишь призрак и мгновенно на негоотреагируешь. То бишь завизжишь, хлопнешься в обморок, не знаю еще что... Но уж поверь, ни при каком раскладе не станешь в такую минуту логически рассуждать: мол, привидений не существует и тому подобное...

– Допустим, – сказала Галина. – Но напугать человека до смерти привидением, думаю, все же нереально.

– Это смотря как напугать, – парировал Герман. – Если издалека показать, на горизонте, то, конечно, смертельного испуга это не вызовет. Но если, например, такое привидение выскочит на человека из-за угла да еще и зловеще завоет при этом...

– Ой, ужас какой, – поежилась Галина. – Но тогда и подложное привидение ни к чему. Просто выскакивай, и дело в шляпе.

– Суть не в привидении, – уточнил Герман, – а в том, кто чего боится... Универсальные способы до ужаса напугать кого угодно, пожалуй, все-таки есть. Можно, скажем, незаметно проникнуть к человеку в квартиру. Он думает, что находится дома один, а ты ночью внезапно выпрыгиваешь из шкафа, скажем, и как-нибудь так кошмарно рывкаешь...

– Жуть, – согласилась Галина. – Так действительно кого угодно можно убить... Так ты что, хочешь незаметно оказаться у Хучрая в квартире? Как тебе это удастся?

– Да нет же, – терпеливо сказал Герман. – Я вот о чем толкую: его надо напугать тем, чего он сам боится. А боится он, судя по его нелепой картине, ГУЛАГа.

– И как ты его в ГУЛАГ упрячешь? – пожала плечами Галина.

– Не упрячу, а только сделаю вид, что его собираются упрятать! И, разумеется, делать вид я буду не сам, поскольку

меня-то он знает...

— А кто же тогда будет делать... этот вид? — захлопала ресницами Галина.

— Студенты, — пояснил Герман. — Вгиковцы. План такой: от имени Хучрая я пообещаю им роль в его новом фильме. Но только скажу: вы должны убедить глубокоуважаемого нашего мэтра в своих способностях. Изобразите-ка, мол, перед ним суровых энкавэдэшников, и, если он посчитает ваше исполнение правдоподобным, роли вам обеспечены.

— Гениально, — одобрила Галина. — А для полного правдоподобия дело, видимо, должно происходить на Лубянке?

— Да нет, Галочка, кто меня туда пустит...

— Где же тогда?

Герман сделал страшное лицо и призрачным голосом изрек:

— В черном воронке.

— Это что такое? — не поняла Галина.

— Автомобиль, — сказал Герман. — «ГАЗ М-1». Именно на этой машинке сотрудники НКВД приезжали в свое время арестовывать...

— Так, значит, аресты все-таки были?

— Само собой, — кивнул Герман. — В любые времена есть те, кого следует задержать, препроводить на пресловутую Лубянку, учинить допрос...

— Но только если они виноваты? — уточнила Галина.

— Естественно.

– Но ведь Хучрай едва ли в чем-то виноват. Тогда ему и бояться вроде как нечего.

– Галя, ну как ты не поймешь! – воскликнул Герман. – Конечно, он не виноват, но он же в заблуждении своем считает, что арестовывали в том числе и безвинных. На этом-то я и сыграю. То есть, по сути, он убьет сам себя. Ведь если за нормальным человеком, скажем за мной, придет черный воронок, я же сразу пойму, что это розыгрыш. А если и не розыгрыш, то какое-то недоразумение, которое очень быстро выяснится. Потому что я знаю – ни в чем не повинному советскому человеку бояться чекистов незачем!

Галина покачала головой:

– И все-таки ты полагаешься на случай. Испугаться-то он испугается, но чтобы помереть...

– Да, он не помер бы, если б я решил разыграть его еще при Сталине. Но сейчас, когда Хучрай полностью уверен, что черные воронки ни за кем не приезжают, его напугает именно это! Полная неожиданность! Он решит, что старые времена вернулись и теперь невиновных снова забирают.

– Очень изощренно, – восхитилась Галина.

– А то! – весело отозвался Герман. – Короче, уже завтра, считай, Хучрай наш окочурится. И я бьюсь об заклад, что черный воронок до этого момента и километра не успеет проехать...

Следующим утром Герман пришел во ВГИК и принялся подыскивать подходящих молодых людей.

Вскоре он заметил двоих, по-видимому, приятелей, и подошел к ним.

– На актеров учимся, товарищи? – весело гаркнул им Герман.

– Учимся, – спокойно подтвердил один из парней.

– Как фамилии? – поинтересовался Герман.

– А вам, собственно, зачем? – недоуменно спросил второй парень, но Герман резко прервал его:

– Эх, молодые люди, молодые люди... Какие ж вы, с позволения сказать, актеры? Актер всегда должен быть начеку. Поскольку его в любое время дня и ночи могут пригласить исполнить какую-нибудь роль – в кино, скажем...

– Вы с киностудии? – спросил первый.

– О да, – отвечал Герман.

– С какой? – уточнил второй парень.

– С главной!

– «Мосфильм»? – дружно выкрикнули студенты, Герман с улыбкой кивнул им.

– Так как же ваши фамилии, которые, возможно, скоро станут всесоюзно известными?

– Нусинов, – ответил первый студент.

– Ростов, – сказал второй.

– Ну надо же! – дружелюбно рассмеялся Герман. – Прямо Нусинген и Растиньяк какие-то!

– А вы... товарищ? – поинтересовался Нусинген.

– Моя фамилия вам ничего не скажет, – скромно отозвался Герман. – Однако я работаю ассистентом того, кого вы наверняка знаете.

Студенты переглянулись.

– Это наш известный режиссер? – несмело спросил Растиньяк.

– Я бы даже сказал: общеизвестный! – поправил Герман. – Хучрай. Слыхали о таком?

– Слыхали, слыхали, – закивали приятели. – И что, он хочет позвать нас в свой фильм? – все еще недоверчиво уточнил Нусинген.

– Ну, не конкретно вас, – протянул Герман, – а просто двух молодых людей. Это задание поручено мне, – добавил он с гордостью. – И сейчас я понимаю, что, кажется, близок к тому, чтобы с блеском его выполнить.

– То есть вы нас уже берете? – не веря своим ушам, воскликнул Растиньяк.

– Да практически взял уже, – небрежно сказал Герман. – Считайте, что рольки у вас в кармане. Осталась только одна небольшая формальность...

– А именно? – насторожился Нусинген.

– Вы должны произвести впечатление на глубокоуважае-

мого нашего товарища Хучрая, – пояснил Герман. – Но я не сомневаюсь, что у вас это получится. Вы на каком курсе?

– На втором, – ответил Растиньяк.

– Ну вот и чудесно, – хлопнул его по плечу Герман. – Стало быть, азы уже знаете. И вам раз плюнуть будет сыграть требуемое.

– Вы приглашаете нас на кинопробы? – сообразил наконец Нусинген.

– Можно и так сказать, – кивнул Герман. – Но только это не вполне обычные кинематографические пробы. Хучрай – он вам, знаете, не какой-нибудь там рядовой режиссеришка. Нет, он мастер, причем с очень большой буквы! И всякие эти банальные кинопробы он начисто отрицает. Вместо этого товарищ Хучрай каждому, вы слышите, каждому, включая самых признанных вроде Стриженова и Урбанского, устраивает этакую проверку. Заставляет по-настоящему вжиться в роль, как поучал еще старик Станиславский... Вы его небось уже проходили? – подмигнул Герман студентам.

– Проходили, – дружно отвечали те.

– Ну, значит, справитесь! – без тени сомнения провозгласил Герман.

Через пять минут Герман уже тянул приятелей-второкурсников за собой на улицу. Они позабыли обо всем, включая занятия, и шли за Германом разинув рты.

А тот говорил без умолку:

– Эх, ребята, прямо завидую вам... В кино сниметесь! Да еще у Хучрая! Заметьте, не у какой-нибудь там, я прямо не знаю, Дуньки Раздолбаевой, а у самого что ни на есть выдающегося товарища Хучрая!

– А о чем картина-то? – робко поинтересовался Растиньяк.

– И в чем будет заключаться наша проверка? – уточнил Нусинген.

– Всему свое время, товарищи! – погрозил им пальцем Герман. Однако тут же начал вводить их в курс дела: – Картина, видите ли, будет посвящена не столь уж давним временам, которые вы, однако, едва ли застали в сколько-нибудь сознательном возрасте...

Приятели переглянулись.

– Война! – сообразил Растиньяк.

– Великая Отечественная война, – строго поправил его Герман. – Но нет, товарищ Ростов, вы, образно выражаясь, ткнули сейчас пальцем в небо! – И Графов громко засмеялся.

- Предвоенное, что ли, время? – предположил Нусинген.
- Именно, друг мой, – похлопал его по плечу Герман.
- Вообще-то мы тогда и не родились еще, – пробормотал

Растиньяк.

– А выглядите старше, – хмыкнул Герман. – Впрочем, оно и к лучшему. Для тех ролей, которые вам предстоит исполнить... Скажите, други, вы слышали что-нибудь про тридцать седьмой год?

Повисла пауза, наконец Нусинген произнес:

– Ну как же, слышали... Еще на двадцатом съезде про него много говорили... И вот сейчас снова... на двадцать втором опять упоминали...

– Ну надо же, какие молодцы! – восхитился Герман. – Даже в курсе всего, что происходит в недрах партии... Поистине вы оба-два – достойные представители нашей замечательной молодежи! Пламенные комсомольцы, просто пламенные!

– Да мы всего лишь это проходим, – скромно сказал Растиньяк, Нусинген незаметно ткнул его в бок.

– Одно дело – проходить, а другое – усваивать пройденное, – заметил Герман. – Вот сейчас и проверим, насколько вы это усвоили... Так чего ж там в тридцать седьмом-то было, согласно текущей повестке?

– Арестовывали, – сделав серьезное лицо, сказал Нусинген.

– И сажали, – поддакнул Растиньяк.

– Так, – сказал Герман. – А кого?

– Собственно... всех подряд, – отвечал Нусинген.

– Вот как, – удивился Герман. – А вы как думаете, товарищ Растиньяк... то есть, пардон, Ростов?

– Так же, – кивнул тот. – Беззаконие было.

– И вы в этом уверены? – хмыкнул Герман.

– Приходится верить, – молвил Нусинген. – Нельзя же не верить партии.

– Да, вы, конечно, правы, – вздохнул Герман. – И для нашего опять же дела даже и бесполезно, что вы так считаете...

– Значит, товарищ Хучрай хочет снимать про репрессии? – взял быка за рога Растиньяк.

– Вы зрите в корень, мсье! – воскликнул Герман.

– Позвольте, – вдруг встрял Нусинген. – А «Чистое небо» – это же его картина, Хучрая?

– Естественно, – сказал Герман.

– Так там уже все это есть, – развел Нусинген руками. – И про репрессии, и про несправедливость того времени...

На этот раз Растиньяк, изловчившись, толкнул приятеля в бок незаметно для Германа.

Графов лишь снисходительно улыбнулся:

– Ну, не нам же с вами указывать товарищу Хучраю, что ему снимать, верно?

– Верно, верно, – согласились студенты. – А когда будет наша проверка? – спросил Нусинген.

– Сегодня и будет, – отвечал Герман. – Под покровом ночной темноты.

– Интересненько, – пробормотал Растиньяк.

– Еще как! – подхватил Герман. – Значит, встречаемся вечером на «Мосфильме». Подходите, ну скажем, к девятнадцати часам ноль-ноль минутам. Лады?

Приятельи дружно закивали, и Герман отпустил их с миром.

В семь часов вечера Герман уже препровождал студентов в костюмерную «Мосфильма».

– Вот, – показал он на два форменных костюма. – Как раз по вам сшито. У меня глаз-алмаз.

Студенты мрачно смотрели на два одинаковых комплекта энкавэдэшной униформы довоенного образца.

– Мы, собственно, так и не узнали у вас утром, – изрек наконец Нусинген, – что за роли нам... м-м, светят. Неужели вот эти? – Он брезгливо показал на униформу.

– Конечно, товарищ Нусинов, – подтвердил Герман. – А что вас смущает?

Тот пожал плечами:

– Да как-то вот неохота даже надевать такую форму, а не то что играть в ней...

– Это почему же? – изумился Герман.

– Сами знаете, – вяло сказал Растиньяк. – Как раз когда об этом столько говорят, порицают таких людей, мы их, значит, будем исполнять...

– Так именно сейчас и самое время! – сказал Герман. – Это как никогда актуально. Или вы предлагаете советским кинематографистам закрывать глаза на подобные явления нашего недавнего прошлого?

– Нет, ну почему же, – смутился Растиньяк. – Но только лично я...

– А, понимаю, – перебил Герман. – Лично вы хотите играть только мармеладных и карамельных героев. Сладких принцев и нежных младенцев.

Нусинген негромко хрюкнул.

– Ну, а вы, Нусинов? – покосился на него Герман. – Тоже, значит, придерживаетесь такого чистоплюйства? Для актерской профессии, сразу замечу вам, чистоплюйство вреднее, нежели что-либо еще...

– Да нет, отчего же, – пробормотал Нусинген и посмотрел на приятеля. – Пожалуй, мы согласны... – толкнул он локтем Растиньяка.

– Конечно, – подтвердил тот, вздыхая.

– Ну и отлично, – обрадовался Герман. – И не надо таких кислых мин. Вам же чрезвычайно повезло. Кстати, отрицательных персонажей публика запоминает гораздо лучше.

– Правда? – немного оживился Растиньяк.

– Ну конечно! – крикнул Герман. – Так что, вы в деле?

– В деле, – сказал Нусинген.

Герман пожал обоим приятелям руки:

– Тогда поехали.

– Куда? – спросил Растиньяк.

– К Хучраю, разумеется. Только переоденьтесь сначала.

– То есть мы сразу должны будем сейчас войти перед ним в образ? – уточнил Нусинген.

– Нет, товарищи, – покачал Герман головой, – в образ вы должны войти сразу, как переоблачитесь в данную форму.

– А товарищ Хучрай скоро подойдет? – поинтересовался Растиньяк, расстегивая свою рубашку.

– К нему мы сами поедем, – усмехнулся Герман.

Когда студенты переоделись, Герман провел с ними подробнейший инструктаж. Он предусмотрел, кажется, все возможные реакции Хучрая и не успокоился, пока у приятелей не стали от зубов отскакивать чеканные формулировки.

– И помните, – продолжал увещевать Герман по дороге к мосфильмовскому гаражу, – Хучрай у нас сам – изрядный актер. Вы сейчас в этом убедитесь. Он на полном серьезе будет изображать перед вами жертву.

– Вы хотите сказать, что он будет изображать безвинно арестованного человека? – уточнил Растиньяк.

– Да, разумеется, – подтвердил Герман.

– А зачем тогда такой тон? – недовольно спросил Нусинген. – Товарищ Хучрай будет ведь играть пострадавшего от культа личности, а вы так о нем говорите...

– Просто я в восторге от изумительной игры нашего дорогого Хучрая! – воскликнул Герман. – Он так это всегда изображает, что и впрямь можно поверить в его импровизации... Но мы-то с вами знаем, – Графов подмигнул студентам, – что это не по-настоящему. Не путайте, стало быть, жизнь со сценой, это вам тоже хороший урок, – нравоучительно закончил он.

– Однако исполнять мы должны так, словно находимся не на сцене, а в жизни, – вставил Растиньяк.

– Это само собой, – сказал Герман. – Заодно поучитесь у Хучрая... Ох, я воображаю, какое он вам представление устроит! – Графов даже зажмурился от блаженства. – Вот увидите, он будет рыдать, умолять, вырываться, твердить: «Этого не может быть, этого не может быть...» Но вы ему не поддавайтесь. Помните, его цель – заставить вас расколоться. И если он не сумеет этого сделать, то автоматически зачислит вас в актерский состав картины.

– Очень разумный метод, – одобрил Нусинген.

– Еще бы, – подхватил Герман, – лучше не придумаешь... Сколько уже артистов товарищ Хучрай таким макаром открыл... Стриженова, Урбанского, Извицкую, Прохоренко...

– А в этом новом его фильме кто будет играть? – зачарованно спросил Растиньяк.

Герман показал большой палец:

– Ансамбль будет что надо – закачаетесь! Ну вот мы и пришли.

Он остановился подле черного автомобиля «ГАЗ М-1».

– Черный воронок, – хмыкнул Нусинген.

– Тот самый? – опять прошептал Растиньяк.

– Да, именно на нем тогда ездили, – закивал Герман. – Именно с помощью этого конкретного экземпляра...

– Вы это серьезно? – удивился Растиньяк.

– Да шучу я, ребята, шучу, – засмеялся Герман. Он посмотрел на часы и посерьезнел: – Однако мы уже запаздываем... По коням, други!

Герман прыгнул за руль, а в следующую секунду уже вынимал из карманов очки, накладные усы и бороду. Все это он разложил вдоль лобового стекла, после чего стал наклеивать, вертя головой перед зеркалом заднего вида.

– А зачем это вам? – не понял Нусинген.

– Для конспирации, товарищ фельдмаршал, – ухмыльнулся Герман.

– Не понял, – опешил тот.

– Эх, – Герман обернулся к студентам и окинул их скептическим взглядом. – Классику, значит, нынешние студиозусы не чтят – Ильф и Петров им до лампочки...

– Разве это классика? – удивился Растиньяк.

– Советская классика, – уточнил Герман. – Следовательно, наиболее прогрессивнейшая в мире.

Ровно в полночь черный воронок притормозил у дома Хучрая.

Растиньяк и Нусинген, переодетые в чекистскую форму, вышли из машины и уверенно направились к квартире Хучрая.

Герман в накладных усах, бороде, очках и надвинутой на лоб кепке остался за рулем. Он уже не сомневался в своих сегодняшних учениках.

Студенты молча подошли к двери Хучрая и стали в точности выполнять германовские инструкции.

Нусинген три раза глухо ударил в дверь.

Через полминуты за дверью послышался заспанный голос:

– Кто там?..

– Телеграмма, – отвечал Растиньяк, как велел ему Герман.

Хучрай отворил дверь и в следующую же секунду в недоумении отшатнулся.

– Гражданин Хучрай? – строго спросил у него Нусинген.

– Д-да, – пробормотал тот.

– Мы за вами, – сказал Растиньяк.

– Собирайтесь, – добавил Нусинген и первым шагнул в квартиру.

Студенты стали ходить по квартире и всюду зажигать верхний свет.

– Обыск будет позже, – громогласно излагал Нусинген вызубренный германовский урок. – Сейчас только сделаем предварительный осмотр, а вы, господин хороший, поедете с нами...

– Позвольте, – залепетал Хучрай, – но... за что же это меня?

– Следователь знает за что, – презрительно усмехнулся Растиньяк.

– Скажите, – потребовал Хучрай, – я имею право знать.

– Пятьдесят восьмая статья, – словно сжалившись над беднягой, сообщил ему Нусинген. – Слышали, небось, о такой?

– Слыхал, – упавшим голосом сказал Хучрай. – Но я не думал, что она еще... в силе.

– Вот и напрасно, – усмехнулся Растиньяк. – Думать, гражданин, оно никогда не повредит.

– Если только гражданин – сам не вредитель, – добавил Нусинген, и оба визитера разразились злорадным смехом.

– Пятьдесят восьмая статья – это, если я не ошибаюсь, измена Родине, – чуть более твердо произнес Хучрай. – А в чем же, по-вашему, я... где я мог изменить Родине? Где и как? И почему?

– Сами прекрасно знаете, – брезгливо ответил на это Растиньяк.

– Вы совершили контрреволюционное действие, – сухо пояснил режиссеру Нусинген.

– Это... какое же? – во все глаза уставился на него Хучрай.

– А вот ваше паршивое кинишко, – хмыкнул Растиньяк. – Оно-то и есть форменная контра.

– О каком кинишке вы изволите говорить? – сглотнул Хучрай.

– Ну хватит дурочку-то валять! – прикрикнул на него Нусинген. – «Грязное небо» это ваше или как его там?.. Тоже мне – сначала разводит контрреволюцию, а потом как ни в чем не бывало невинной овечкой прикидывается...

– Какой овечкой? – рассердился Хучрай. – Что это вообще за тон?

– Молчал бы лучше, – усмехнулся Растиньяк. – А то сейчас такой тон возьмем, сам не обрадуешься.

От того, что один из визитеров без предупреждения перешел с ним на «ты», Хучрай почему-то растерялся и замолк.

– Так вы одеваетесь? – поторопил его Нусинген.

– Да-да, – пробормотал Хучрай.

Режиссер раскрыл шкаф с одеждой и вынул оттуда первые попавшиеся брюки. Он стал было задумчиво стягивать с себя домашние штаны, но вдруг осекся и обернулся к визитерам:

– Извините, мне... надо переодеться.

– И что теперь – отворачиваться нам прикажешь? – гаркнул Растиньяк.

Хучрай ничего не ответил, отвернулся сам и со злостью стал высвобождаться из штанов.

Уже на улице у Хучрая при виде черного воронка подкопились ноги. Нусингену и Растиньяку даже пришлось поддержать его, чтобы благополучно довести до машины.

Режиссера усадили на заднее сиденье. Справа от него сел Растиньяк, слева – Нусинген.

Хучрай недоуменно уставился на бородатого водителя.

– Поехали, Семеныч, – хлопнул бородача по плечу Нусинген.

Воронок тронулся.

– Значит, мы на Лубянку? – сдавленно спросил Хучрай.

– На нее, родимую, – хмыкнул Растиньяк.

– И все-таки я... не понимаю, – вновь начал канючить Хучрай. – Вы говорите: мой фильм... мой фильм – преступление... Господи, даже подумать об этом нелепо, – невесело усмехнулся он. – Как же он может быть преступлением... он уже вышел, его много кто посмотрел... Его, в конце концов, разрешили к показу! Он прошел все инстанции!

– Вот вы нам и скажете, – произнес Нусинген, – кто именно отвечал за выпуск данной контры. Назовете все фамилии.

– Никого я не буду называть, – угрюмо парировал Хучрай.

– Будешь, – со смешком сказал Растиньяк. – И не таких раскалывали.

– Да мы и так это выясним, – махнул рукой Нусинген. – И

все ответственные за эту контру лица понесут наказание, уж не сомневайтесь, гражданин режиссер.

– Могу я узнать, от кого вы получили этот приказ? – спросил Хучрай, держась за кадык. – Кто именно велел вам задержать меня?..

– Ишь какой нетерпеливый, – хмыкнул Растиньяк. – Прибудем сейчас – сам все узнаешь.

– И я смогу поговорить с ним? – спросил Хучрай. – То есть с вашим начальником.

– Поговоришь, – подтвердил Растиньяк. – Только сам же, сволочь, не обрадуешься этому разговору.

– Вы не имеете права! – взвизгнул Хучрай. – Кто вам дал право так со мной разговаривать?

– С контрой у нас разговор короткий, – лениво пояснил Нусинген. – Вашу участь сегодня же решит «тройка».

– Какая еще «тройка»? – с ужасом посмотрел на него Хучрай.

– Ну, не прикидывайся, – протянул Растиньяк. – Сам же все знаешь. Эвон какие картины ляпаешь. Так что нечего тут перед нами скромничать, осведомленность свою прятать...

– Насколько я знаю, – сквозь зубы проговорил Хучрай, – давно прошли времена «троек» и тому подобного производства...

– Значит, хреново знаешь, – хмыкнул Растиньяк.

– То, что старые времена могут вернуться, вам, видно, и в голову не приходило? – любезно поинтересовался у Хучрая

Нусинген.

– Как они могли вернуться... – прошептал режиссер. – Сталин, что ли, воскрес?

– А вот за такие слова мы к тебе особые меры применим, – угрожающе пообещал Растиньяк.

– Да что все это значит?! – вдруг крикнул Хучрай. – Я... я Хрущеву пожелаю! Он с вами живо разберется...

– Сместили твоего Хруща, – небрежно ответил на это Растиньяк.

– И даже в расход уже пустили, – добавил Нусинген.

Хучрай побледнел.

– И... и кто же теперь... там? – Он показал пальцем наверх.

– Товарищ Суслов, – сообщил Нусинген. – И его первым приказом при вступлении в должность было – покарать тех, кто заметнее всех выступал против товарища Сталина... Так что вам, Хучрай, повезло. Вас мы одним из первых забрали. Одним из первых же и расстреляем.

– Этого не может быть... – схватился за голову Хучрай. – Не может быть... Не может...

Его правая рука вдруг поползла к груди. Режиссер побледнел еще больше прежнего и вдруг вскрикнул:

– Ай!

Хучрай слегка дернулся, и тотчас после этого его тело обмякло, а голова свесилась набок.

Студенты моментально вышли из образа.

– Товарищ Хучрай! Товарищ Хучрай! – дружно завопили они.

Режиссер не отвечал и не двигался. Приятели тормошили его с обеих сторон – сначала робко, потом все сильнее и сильнее. Это было бесполезно. Голова Хучрая по-прежнему безвольно болталась туда-сюда.

– Остановите машину! – заорал Герману Нусинген.

Герман резко надавил на тормоз и озадаченно обернулся назад:

– Что такое?

– Не видите, что ли? Ему плохо! – Растиньяк чуть не плакал.

– Ай-ай-ай, – сочувственно поцокал языком Герман. – Пожалуй, без «Скорой» не обойтись... Но давайте тогда уж доведем его до места назначения.

– Куда? На Лубянку? – ошарашенно посмотрел на него Растиньяк.

– Из роли можете уже выйти, – хохотнул Герман. – Едем на «Мосфильм».

И воронок проворно тронулся с места.

Через пять минут машина влетела в мосфильмовский гараж.

– Ну же! Ну же! Надо вызвать врача! – торопили Германа студенты.

– Спокойно, товарищи, – хладнокровно отвечивал Герман. – Сперва перенесем его в кабинет.

– В какой кабинет? – не понял Нусинген.

– В его личный. Персональный, – пояснил Герман.

– Зачем?! – хором воскликнули приятели.

– Затем, что эту машинку, – Герман побарабанил пальцами по рулю, – мы позаимствовали несколько без спроса. Так вот, чтоб нам с вами не было нагоняя...

– О каком нагоняе вы тут еще говорите? – воскликнул Рас-тиньяк. – До этого ли сейчас? Он, может, уже умер! – добавил он, с ужасом посмотрев на бездвижного Хучрая.

– Если умер, мы ему не поможем, – ледяным тоном заметил Герман.

– Я думал, вы взяли эту машину... с разрешения товарища Хучрая, – заплетающимся языком проговорил Нусинген.

– А он кто – начальник гаража? – усмехнулся Герман. – Нет, я взял не с его разрешения, а по его просьбе... Так что давайте-ка без лишних разговоров перетащим его в кабинет. А то пока мы тут разглагольствуем, он еще десять раз помереть успеет.

Все трое вышли из машины.

Герман стал командовать:

– Так, Нусинген... то есть, это, Нусинов, ты давай за ноги его бери, а ты, Ростов, за руки давай...

Студенты понесли режиссера, Герман шествовал сзади и командовал:

– Так, левее... Правее... Теперь прямо...

Когда режиссера донесли до его кабинета и опустили на стул, приятели были полностью мокрые и тяжело дышали.

– Телефон направо отсюда, – показал Герман в сторону коридора. – Идите звоните.

Студенты двинулись к аппарату, но уже без особой спешки.

– Вызвали? – спросил Герман, когда они вернулись через пару минут.

– Вызвали, – кивнули приятели.

– Теперь слушайте, – начал излагать Герман свою последнюю инструкцию. – Товарищ Хучрай пригласил вас на кинопробы... Не надо никому расписывать, в чем именно состояли эти кинопробы... Это уже неважно. Просто – он вас позвал. Вы пришли, но не успели ни о чем поговорить, так как Хучраю сразу стало плохо. И вы вызвали врача. Вот и все.

– По-вашему, он умер? – мрачно спросил Нусинген, кивая на тело Хучрая.

– Похоже на то, – спокойно ответил Герман. – Но вы меня поняли? Не нужно говорить ни про воронок, ни про нашу поездку, ни про все остальное... Только то, о чем я сейчас сказал, и ничего кроме. Ясно?

– Ясно, – ответил Нусинген.

Растиньяк хотел было что-то возразить, но махнул рукой

и тоже ответил:

– Ясно.

Лишь глубокой ночью Герман добрался до дома и с порога стал рассказывать обо всем Галине.

– Все прошло идеально, – бодро излагал он. – Комар носа не подточит!

– Он что, и впрямь умер? – ахнула Галина.

– Умер, куда ж ему деваться, – сказал Герман.

– И действительно сам?! – не могла поверить Галина.

– Да, я ему нисколько не помогал, – подтвердил Герман. – Разве что организовал соответствующий антураж.

– И не возникло ничего непредвиденного? – продолжала удивляться Галина.

– Ничегошеньки! – радостно воскликнул Герман.

– Ну, а студенты?

– А что студенты? – пожал плечами Герман. – Лопухи.

– По-твоему, они ни о чем не догадались? – Галина захлопала ресницами.

– Мудрено было бы догадаться, – усмехнулся Герман. – Сам Эйнштейн бы не справился и не разгадал бы мой дьявольский план. Да что там Эйнштейн – тут и Эйзенштейн бы в дураках остался. А он был дошлый малый, я ведь у него учился, помнишь?

– Да-да, ты рассказывал, – кивнула Галина. – Но тебя не настораживает, что пока все твои планы проходят слишком

удачно?

– А почему меня должно это настораживать? – хмыкнул Герман. – Напротив – меня это полностью удовлетворяет. И потом, что значит «пока проходят»? Я искренне уповаю, что у меня все будет получаться и в дальнейшем – до самого конца.

– То есть пока ты не перебежишь всех коллег? – уточнила Галина.

– Не всех, а только успешных, – поправил Герман.

– Я просто очень за тебя боюсь, – несмело сообщила Галина. – Боюсь, что твоя самонадеянность тебя же и погубит.

– И как ты себе это представляешь? – усмехнулся Герман.

– Ну, вот ты во всем уверен, а если какое-нибудь непредвиденное обстоятельство?

– Исключено! – перебил ее Герман. – Я в состоянии предвидеть любые обстоятельства.

– Так не бывает, – не согласилась Галина. – Никто не может предвидеть все.

– Ну а я могу, – не унимался Герман.

– С тобой бесполезно говорить, – Галина поморщилась и надула губы.

– Милая, ну прости меня, – подлетел к ней Герман. – Что поделать, если я такой... – Он защелкал пальцами, подбирая слово.

– ...гениальный, – подсказала Галина.

– Да, вот именно! – обрадовался Герман.

– Может, я тогда тебе не очень-то и подхожу? – заметила Галина. – Я-то сама отнюдь не гениальная.

– Брось, ты тоже гениальная, – заверил Герман.

– В чем, например?

– Во всем. В актерстве хотя бы.

– Ой, не надо, – она замотала головой.

– Галочка, ну ты что! – забеспокоился Герман. – Ты уже со мной не согласна? Мы ведь давно решили, что мы с тобой – самые талантливые.

– Это только мы решили. А больше никто так не считает.

– А кто должен считать?

– Не знаю, – пожала Галина плечами. – Коллеги.

Герман прыснул:

– Дождешься от них, как же... Галя, ты ведь прекрасно знаешь им цену.

– Я знаю, что нас с тобой они не признают.

– А нам разве нужно их признание? – Герман уже начал сердиться.

– Но хоть чье-то нужно ведь, – печально сказала Галина.

– Для этого я и стараюсь, – напомнил Герман. – Очищаю кинематографическое пространство от прохвостов, чтобы мы с тобой стали заметны на этом расчищенном поле...

– А на нерасчищенном шансов у нас с тобой, значит, нет? – посмотрела на него артистка.

– Галя, ну конечно, и мы могли бы играть по их правилам! Юлить, подличать, подстраиваться... Но мы же с тобой не

такие. Ведь не такие?

– Не такие, – вздохнула Галина.

– Ну вот и выходит, – сразу повеселел Герман, – что нет у нас с тобой другого выхода, кроме как поубивать их всех к чертовой бабушке!

Следующей своей жертвой Герман наметил режиссера Мумунина, чей фильм «Люди и звери» недавно прошел с большим успехом.

– Какая никчемная картина! – плевался Герман после просмотра. – А главное – что за идиотское название? «Люди и звери»! Галя, ты там хоть одного зверя увидела?

Галина задумалась:

– По-моему, Мумунин дал это название как метафору. То есть одни люди в его фильме – настоящие люди, а другие – вроде и не люди, а просто звери.

– И кто же там среди них такой? – усмехнулся Герман. – «Просто зверь», как ты говоришь...

– Даже не знаю, – отозвалась Галина. – Может быть, те персонажи, которые, помнишь, появлялись в его воспоминаниях... ну, этого главного героя. Когда он там был за границей и имел дело со всякими...

– Ах вот оно что, оказывается! – хлопнул себя по лбу Герман. – Ну, признаться, такой дешевки я даже от Мумунина не ожидал. Он бы еще проще тогда свою картину назвал – «Советские люди и буржуазные звери».

– Нет, – не согласилась Галина, – «зверей» он там вроде как и среди советских видит.

– По мне так главный зверь – это сам главный герой, –

заявил Герман. – Совершенно отталкивающий персонаж, ты не находишь?

– Да, мне он тоже не понравился, – согласилась Галина.

– Он и не может понравиться! По-моему, этот Мумунин просто издевается над всеми... А кто издевается над зрителем, тот заслуживает... чего?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.